

русского Костёла. Во многих документах упоминается его имя в ряду наиболее «нация-нальна съведамых беларусаў». Важное значение для понимания его роли имеют протоколы заседаний Рады БНС, на которых обсуждались и проблемы католического Костёла. На одном из них, 22 сентября 1942 года, кс. В. Годлевский высказался за создание белорусской митрополии, зависимой от Рима, «але якая стаяла бы на нацыянальным грунце, і адсюль распачаць аднаўленьне каталіцкага касцёлу» [5, лл. 1; 4, 12-14].

Дальнейшая судьба кс. В. Годлевского трагична. В имеющихся о нём публикациях утверждалось, что он погиб при неизвестных обстоятельствах в конце 1942 года. Однако в НА РБ хранятся переведенные на русский язык материалы процесса над нацистскими преступниками, состоявшегося в 1961-63 годах в городе Кобленце (ГДР). Они впервые проливают свет на убийство кс. В. Годлевского, совершенное в конце 1943 года начальником отдела IV управления полиции безопасности и СД города Минска оберштурм-фиурером СС Георгом Хойзером [7, лл. 112-119].

Документы НА РБ оккупационного периода, таким образом, являются ценным историческим источником. Однако подавляющее большинство еще слабо вводится в научный оборот. Их изучение поможет историкам в более детальном исследовании особенностей проявления и характера оккупационной политики гитлеровцев, в том числе конфессиональной.

1. Государственный архив Минской области. Ф. 623. Оп. 1. Д. 174.
2. Менская газета. – 1941. – 11 сьнежня.
3. НА РБ. Микрофильм. Архивный № 247. Кадры 000052–000053.
4. НА РБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 3; Д. 879.
5. НА РБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1.
6. НА РБ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24.
7. НА РБ. Ф. Ф. 510. Оп. 1. Д. 79.
8. НА РБ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 4.
9. НА РБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 2.
10. НА РБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 444.
11. Семиряга М. И. Кол-лаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. – Москва, РОССПЭН, 2000. – 863 с.
12. Ярмусик Э. С. Католический Костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны. 1939–1945. – Гродно, 2002. – 240 с.

Стрелец М. В. (г. Брест, БГТУ)

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА В БАВАРИИ (ФРГ) В ЭПОХУ ХОЛДОДНОЙ ВОЙНЫ: АКЦЕНТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ

Разработка концептуальных основ политики безопасности Христианско-социального союза прошла в своем развитии два этапа. Первый этап совпадает с холодной войной, расколом Германии и Европы. Второй этап хронологически охватывает 1990-е годы – начало XXI века. В рамках каждого этапа можно выделить временные промежутки, которые отличались специфическими моментами. Первый период первого этапа начинается со становления ХСС в качестве субъекта политических процессов и заканчивается моментом вступления ФРГ в НАТО, второй – совпадает со становлением бундесвера, третий – охватывает 1960-ые годы, четвертый – совпадает с разрядкой международной напряженности первой половины 1970-ых годов, пятый – с прохладной войной второй половины 1970-ых годов – первой половины 1980-ых годов, шестой – с кардинальной перестройкой международных военно-политических отношений во второй половине 1980-ых годов. В первые два периода концепции безопасности ХДС (Христианско-демократического Союза) и ХСС (Христианско-социального Союза) практически совпадали. Специфика концепции ХСС впервые стала прослеживаться в рамках третьего периода.

Выяснение места вопроса безопасности Германии в системе международных отношений ХСС считал «незаменимой предпосылкой для всех дальнейших целей германской внешней политики» [ACSP_DS 118/93]. Он последовательно ставил безопасность на первое место в шкале внешнеполитических приоритетов. Эта шкала имела следующий вид: 1) безопасность Федеративной Республики и мир в Европе; 2) национальное единство в свободе; 3) объединенная единая Европа как фактор мира на планете; 4) европейское воссоединение; 5) международное сотрудничество по способствованию миру и всеобщему благосостоянию; 6) восстановление германского места, влияния и авторитета в мире [1, 118/93].

Стремление к безопасности понималось при этом не как абстрактная норма, которая соответствовала бы исключительному национальному пути, а как конкретная ориентация в действиях в рамках Северо-Атлантического союза и одинаково связывающая европейское единство стратегия.

Социальные христиане с самого начала придавали военно-политической стратегии большее значение, чем военной, постоянно демонстрировали свою заинтересованность в локализации любых региональных конфликтов. В их концепциях безопасности неизменно превалировала невоенная составляющая, чётко прослеживалось понимание партией исторической ответственности ФРГ, постоянно отмечалось, что Боннская республика должна стремиться выдержать тест на гарантированность мирных намерений. Неотъемлемым элементом данных концепций была и остаётся постановка ХСС перед руководством НАТО вопроса об учёте геостратегического положения ФРГ в процессе разработки военных доктрин альянса. Партия одобрила натовские доктрины массированно-го возмездия, гибкого реагирования, имевшую западногерманское авторство концепцию передовой обороны. Она предлагала свести до минимума количество сценариев, связанных с ведением боевых действий с использованием ядерного оружия [1, 119/23].

У ХСС, как и у других партий, несших правительственную ответственность на федеральном уровне в период холодной войны, господствовало мнение, что военные функции [НАТО. — М. С.] в первую очередь сводятся к обороне ФРГ, поскольку именно её территория, непосредственно примыкающая к линии разграничения между Востоком и Западом, представлялась наиболее уязвимой для угрозы извне. В такой ситуации роль гарантий для других партнеров рассматривалась как второстепенная. Впрочем, немцы в ФРГ [и, естественно, представители ХСС. — М. С.] всегда считали, что бундесвер может быть задействован только в том случае, если вооруженное нападение третьей стороны на одного из партнеров можно было бы расценить как угрозу нападения на федеральные земли [2; 136].

В последние годы пребывания на должности Конрада Аденауэра проявилась поляризация позиций по вопросу координации интересов политики безопасности и европейской политики, которая проходила также внутри политического лагеря в период правительства Эрхарда «так сказать, вдоль и поперек» [1, 124/29].

За возрастающей остротой ведущейся между «атлантистами» и «голлистами» дискуссии скрывались разногласия относительно оптации Германии по обеспечению своей безопасности и безопасности Европы. Представители атлантического крыла в блоке ХДС/ХСС: Людвиг Эрхард, Герхард Шредер и Кай-Уве фон Хассель аргументировали, что осознание ответственности США по отношению к европейцам уменьшится, если они сами будут стремиться к большей военной способности и самостоятельности. Напротив, приверженцы, сильно учитывающих европейско-французский фактор вариантов, среди которых были Конрад Аденауэр, Франц Йозеф Штраус, барон Гуттенберг и Ойген Герстенмайер, требовали целеустремлённых усилий со стороны континентальных европейских для поддержания собственной безопасности. Штраус бичующе рассматривал позднее «как признак европейского, но в особенности европейского декадентства...», что

с нашей [европейской. — М. С.] стороны всегда прослеживалась склонность прятаться позади американского защитного зонтика» [1, 98/31]. В такого рода отношении он видел «очевидное противоречие с исторической ответственностью Европы, с численностью ее населения и с её экономическим потенциалом» [1, 98/32].

Хотя для Штрауса точно так же как для других ведущих деятелей ХСС значение Соединенных Штатов для обороны Европы в рамках союза «всегда стояло вне сомнения», он выступал за инициированный Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром германо-французский союз. Вследствие этого, между ним и министром иностранных дел Шредером, который, как писал Штраус в мемуарах, «с недоверием противостоял возможной оси Бонн-Париж, отношениями дошли до фазы продолжительной напряженности и полемики» [1, 98/33].

Скепсис внешнеполитическим стратегам ХСС по отношению к эксклюзивному партнерству в области безопасности Германии с Америкой покоился на следующих убеждениях:

1. Зацикливание Бонна на Вашингтоне вело бы к постепенной изоляции Франции. Это противоречило бы замыслу собственной европейской политики, обострило бы кризис в западном альянсе и привело бы, наконец, к изоляции Германии.

2. С инаугурацией Джона Ф. Кеннеди, усилением Советского Союза как ядерной державы, ослаблением лидирующего экономического положения США и перемещением главного ориентира американской внешней политики в Азию было связано ожидание, будут ли в Вашингтоне постепенно релятивировать ценность, значимость обязательств по европейской безопасности. Гуттенберг определённо ссылаясь на разъяснения президента Д. Кеннеди, который в своей речи в церкви святого Павла в июле 1963 г. выступил за создание единой и сильной Европы [1, 1/2].

3. По причине частично сбывающей с толку внутриамериканской дискуссии о стратегической доктрине возросло сомнение как в последовательном поддержании американского устрашения по отношению к советскому наступлению на Западную Европу, так и в решимости США, в случае провала стратегии устрашения защищать своих западноевропейских союзников размещенным на европейском континенте тактическим ядерным оружием. Генри Киссинджер признавал позднее в своих мемуарах, что подобного рода опасения безопасности были оправданы. Сомнения были дополнены также вследствие подготовки американо-советского договора о нераспространении ядерного оружия, с подписанием которого ассоциировалась линия раздела Ялты, а также уничтожения решающих предпосылок для создания европейских оборонительных сил... [1, 33/2]. Вне сомнения важную роль в этой связи играло то, что Штраус во время двойного кризиса 1956 г. (Суэц, Венгрия), как тогдашний министр обороны вынужден был осознать, что внутри системы принятия внешнеполитических решений США прослеживался возрастающий недостаток коммуникации и первоначально был полностью открыт вопрос, «смогут или нет Соединенные Штаты ответить массивной угрозой на угрозу Советского Союза, уничтожить Париж и Лондон ядерным оружием» [1, 33/98].

4. ХСС достойно оценивал с одной стороны, многосторонние способности НАТО в том, что Европа могла собрать под её защитным зонтиком оборонительные силы, с другой стороны, он всё же отклонял продолжение эксклюзивности Североатлантического Союза, как оборонительной инстанции Европы. Тем более, что с окончанием американской ядерной монополии, интересы европейских стран НАТО не соприкасались больше с интересами их американского партнера. Соединенные Штаты, как предчувствовал Штраус в 1966 г., вследствие того факта, что они впервые в своей истории столкнулись с технической возможностью уничтожения их собственной государственной области, всё сильнее концентрировались на том, чтобы достичь с Советским Союзом соглашения на основе status quo в Европе [1, 1/88].

По причине этой, в общем, скептической оценки ХСС потребовал вместо односторонней направленности на Америку дополняющую оборонительную концепцию НАТО собственную европейскую политику вооружений, экономики и обороны, которая держалась бы на трёх основах:

1. Обеспечить существование и дальнейшее развитие свободного общества;
2. Поддержать Соединенные Штаты в их мировых обязательствах и разгрузить их на их восточном фланге;
3. Не допустить, чтобы европейские народы снизились в цивилизационном смысле до статуса технического недоразвития [1, 2/91].

На основании этой аргументации, очевидно, что ХСС выступал за связь атлантической и европейской оборонительной концепции и, что имплицитное в ярлыке «голлистов» противопоставление ХСС Соединенным Штатам реально не существовало.

Точно так же нет никаких доказательств национально-ядерных амбиций Франца Йозефа Штрауса. Напротив, Штраус исходил из того, что ни находящиеся под американским контролем многонациональные ядерные силы (МЯС) или модифицированные атлантические ядерные силы (АЯС), ни чисто национальная политика не пригодны для обороны Европы. Вместо этого он выступал за самостоятельную в военном смысле Европу с арсеналом стратегических и тактических ядерных вооружений и «под контролем имеющего право распоряжаться европейского правительства, то есть политически ответственной инстанции единой Европы. Итак, ни МЯС или АЯС, а европейские ядерные силы, скоординированные с Соединенными Штатами в совместной ядерной стратегии. «Очевидно, — подчёркивал Штраус в этой связи, — что Германия в такой европейской системе не могла бы обладать никаким национальным контролем над ядерным оружием» [1, 30/21].

Адельберт Вайнштейн писал, что Штраус своевременно признал, что ядерное оружие, политическое оружие невысказано для ведения войны: «Так же мало, как историк, который полемизирует о сущности диктатуры, имеет в виду осуждение тирании, стратегический мыслитель Штраус имел всякий раз склонность вводить ядерное оружие как средство ведения войны в бундесвер» [1, 3/4].

Разработка социальными христианами концептуальных основ политики безопасности ФРГ на протяжении четвертого периода происходила в условиях, когда в подходе Бонна к данному направлению западногерманской политики заметно снизился удельный вес военно-политических аспектов, прослеживалось некоторое усиление её связи с Европолитикой. ХСС был удовлетворен тем, что обрела реальные очертания Еврогруппа НАТО, предпринимались попытки оживить деятельность Западноевропейского союза. В связи со вступлением ФРГ в 1973 г. в ООН видные деятели союза подчеркивали, что следует активно использовать возможности этой организации для достижения целей анализируемой политики. Начиная с четвертого периода, существенным элементом концепции безопасности социальных христиан становится выдвигание предложений для Венских переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Старт пятого периода пришелся на время, когда осуществляло свои полномочия правительство Г. Шмидта — Г.-Д. Геншера. В своем подходе к проблемам политики безопасности социальные христиане имели больше точек соприкосновения с этим кабинетом, чем с исполнительной властью в зру Брандта. Обе стороны были озабочены европеизацией ядерного риска в связи с начавшимся в конце 70-х годов ракетным кризисом. Заметим, что после того как Г. Шмидт сделал доклад перед Лондонским институтом стратегических исследований 28 октября 1977 года, ХСС сразу же поддержал лейтмотив данного доклада: необходимость учёта ядерных средств средней дальности на переговорах об ОСВ-3. В связи с ракетным кризисом социальные христиане жестко ставили вопрос об укреплении американских ядерных гарантий по отношению к ФРГ, Западной Европе в целом [1, 13/31].

ХСС позитивно оценил тот факт, что Бонн и Вашингтон продемонстрировали четкое взаимопонимание в ходе разработки долгосрочной военной программы НАТО, рассчитанной на период до 1994 г. Эта беспрецедентная по своим масштабам программа была одобрена Вашингтонской сессией Совета НАТО (1978 г.). Государства – члены альянса согласились на существенное увеличение военных расходов, которое в среднем должно было составить на период с 1979 по 1984 гг. 3 % ежегодно в реальном выражении (т. е. с учётом инфляции) [3; 25-27].

Согласно долгосрочной военной программе НАТО, ФРГ обязывалась затратить до конца 1980-ых годов на приобретение вооружения 100 млрд. марок. Из 300 рекомендаций долгосрочной военной программы НАТО 186 затрагивали бундесвер [4; 51]. Значительная часть заказов выполнялась фирмами, руководимыми последователями ХСС.

Социальные христиане были удовлетворены реализацией ключевых положений военной реформы, разработанной в её правительство В. Брандта – В. Шеелера, отмечая, что «существенно повысилась ударная мощь и боеспособность бундесвера» [ACSP, DS 8/9].

После возвращения ХСС к правительственной ответственности на федеральном уровне партия стала участником западно-германских дискуссий на предмет отношения ФРГ к стратегической оборонной инициативе (СОИ), выдвинутой в 1983 г. тогдашним президентом США Р. Рейганом. ХСС, с одной стороны, поддерживал СОИ, с другой стороны, брал в расчёт геостратегическое положение ФРГ: «Подключение к СОИ не устроило западногерманских опасений в том, что, создав космический щит над Америкой, Вашингтон может пренебречь интересами безопасности Западной Европы. Эти опасения породили поиски западно-европейских аналогов СОИ, которые не только прикрыли бы Западную Европу и ФРГ в особенности, но и укрепили бы западно-германские позиции в отношениях с США. Одним из подобных аналогов стала «европейская оборонная инициатива», вдохновитель и сторонник которой Ф. Й. Штраус стремился «эффективно дополнить СОИ – создать космические объекты, направленные против ракет малой дальности и крылатых ракет» [10; 241].

Авторами идеи «европейской оборонной инициативы» были военные специалисты концерна «Мессершmitt -- Бёльков – Блом». Затем её подхватил и целеустремленно отстаивал единомышленник Штрауса, видный деятель ХДС, глава оборонного ведомства М. Вернер. Неоспоримая логика была заключена в утверждении председателя ХСС о том, что СОИ – это «защита головы», в то время как Западная Европа должна собственными усилиями обеспечить прикрытие от «ударов ниже пояса» [8; 51]. Вашингтон учёл подобные настроения. В конечном итоге США сконцентрировали свои усилия на системе ПРО, предназначенной для поражения межконтинентальных баллистических ракет, а западноевропейские страны стали возводить региональный противоракетный щит.

Кардинальные изменения в международных военно-политических отношениях на рубеже 90-х годов, ставшие возможными в значительной мере благодаря революционному прорыву в советском внешнеполитическом мышлении, привели к тому, что и СОИ, и её европейский аналог – ЕОИ потеряли свое практическое значение. Разумеется, работы в данном направлении были свернуты.

Вновь получив статус правительственных, христианские политические партии перестали с недоверием относиться к попыткам вашингтонских стратегов усилить конвенциональный уровень гибкого реагирования. И ХДС, и ХСС одобрили доктрину Роджерса, ставшую общеполитической. Её автор, Верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами альянса в Европе, стремился существенно повысить ядерный порог в потенциальной войне. Намечая новые акценты в военном строительстве, вытекающие из анализируемой доктрины, альянс полагал, что проектируемые мероприятия приведут в будущем к исключению ядерных вооружений из европейских арсеналов Организации Североатлантического Договора. Учёт геостратегического положения Федеративной Республики чётко прослеживался в предполагаемых изменени-

ях в сценарии гипотетического военного конфликта. По мысли разработчиков доктрины, войска НАТО в случае войны в Европе должны были сразу же перенести боевые действия на территорию стран Восточной Европы. Социальные христиане, заинтересованные в избежании ядерных взрывов западнее Эльбы, восприняли новое слово альянса как подход, более адекватный реалиям по сравнению с предыдущей концепцией. Они резко критиковали социал-демократов, которые, вырывая из контекста элемент данной доктрины, предполагавший удары в глубину, квалифицировали её как агрессивную. Эксперты ХСС отмечали, что их оппоненты противоречат сами себе. Обращая внимание на то, что Эссенский съезд СДПГ, проходивший в мае 1984 г., констатировал очевидное превосходство Востока в Центральной Европе в области обычных вооружений, они не понимали, почему тот же форум отверг доктрину Роджерса, предусматривавшую наращивание данного компонента оборонительной мощи [1, 18/82].

ХСС положительно расценил тот факт, что обрела реальные очертания перестройка бундесвера в соответствии с планом Роджерса, что влияние анализируемой доктрины чётко прослеживалось в новой долгосрочной программе развития бундесвера (1985–1997 гг.), принятой в 1984 г. [5; 78]. Этой программе суждено было стать последней в истории Боннской республики.

Важное место в концептуальных поисках ХСС в пятый период заняло участие в дискуссии о возможности партнерства во имя безопасности между Западом и Востоком. Исходя из реалий того времени, партия пришла к выводу, что постановка подобного вопроса никак не вытекает из логики советской политики, нужна Москве лишь для искусных пропагандистских игр. Партия оценила как контрпродуктивную соответствующую идею в программных установках СДПГ [ACSP, DS 9/92].

Сложным и неоднозначным был для ХСС шестой период. Лидеры СвДП и СДПГ опередили и демохристиан, и социальных христиан в прогнозах на предмет изменений в советской политике. Только в конце шестого периода ХСС, как и его партнеры по правительственной коалиции, а также партии, представляющие парламентскую оппозицию, считал, что идею партнерства во имя безопасности между Западом и Востоком можно наполнить реальным содержанием. Согласие СССР на беспрецедентные шаги в области разоружения и контроля над вооружениями, транспарентность в военной области, инспекцию на местах подмывали аргументы адептов концепции передовой обороны, лишали почвы для сомнений у наиболее жёсткой из всех эстаблированных партий – партии социальных христиан. Убедительное доказательство поворота в подходах ХСС – принципиальная поддержка партией договора между объединенной Германией и СССР о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве от 9 ноября 1990 года. Это – первый в двусторонних отношениях договор, обладавший функцией договора о ненападении.

В партийных документах, которые принимались на протяжении шестого периода, отмечался прогресс в той части, которая касалась европейского аспекта политики безопасности ФРГ. Выделялись два момента: укрепление оси Бонн – Париж, принятие Гаагской сессией Совета Западноевропейского союза, проходившей в конце октября 1986 года, «Платформы принципов европейской безопасности», в которой были сформулированы конкретные основы будущего военного сотрудничества западноевропейских стран [6; 47]. ФРГ и Франция заложили правовую базу для появления принципиально новых совместных структур: совета обороны и безопасности, смешанной бригады. Глава французского государства объявил о готовности консультироваться с канцлером ФРГ по вопросам применения тактического ядерного оружия на территории Западной Германии [7; 147]. Вместе с тем деятели ХСС констатировали отсутствие очевидных подвижек на предмет военно-политического сотрудничества в рамках ЕЭС, безрезультатность скоординированных действий Бонна и Парижа, направленных на то, чтобы заработал механизм такого сотрудничества [1, 99/23].

Таким образом, политика безопасности Христианско-социального союза в Баварии в эпоху холодной войны была сбалансированной, отвечала национальным интересам

ФРГ, представляла собой серьезный вклад в формирование модели международной безопасности, адекватной мирным устремлениям народов планеты.

1. Archiv für Christlich – Soziale Politik (далее: ACSP), Druckschrift (далее: DS).
2. Якобсен Г. А. Бундесвер перед лицом новых задач. Преемственность и перемены // От стратегии обороны к политике мира. Германские вооруженные силы в период перемен. – М.: Наука, 1993. – С. 136.
3. NATO – Review, 1977. – № 3. – П. 25-27.
4. Marxistische Blatter – 1979. – Н. 2. – С. 51.
5. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. – М.: Международные отношения, 1989.
6. Бурдули Г. П. Возрождение Западноевропейского союза // Мировая экономика и международные отношения – 1989. – № 4. – С. 47.
7. Манжолла В. А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности. – Киев, 1984. – С. 147.
8. Григорьянц А. Черный шлейф "Торнадо". – М., 1987.
9. Глазунов Н. К. Бундесвер и НАТО. – М.: Воениздат, 1979.
10. Зиборова М. А. Бонн и Вашингтон, 70-80-е гг. – М., 1978.

Анисимова Н. И. (г. Москва, МГУ им. М. Ломоносова)

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Федеративная республика Германия – демократическое правовое государство, которое занимает важное место в мире. Она играет одну из ведущих ролей в мировой политике, экономике и социокультурных отношениях как среди держав Западной Европы, так и среди других государств.

В соответствии с общепризнанными нормами Германия открыта для контактов с мировым сообществом. Развитие гражданского общества в этой стране готово сотрудничать с иностранными государствами и международными организациями.

Это сотрудничество осуществляется как в правовых, так и в не правовых формах. Особый интерес представляют правовые аспекты международных отношений Федеративной республики с другими странами.

I. Прежде всего, Германия признаёт частью своей правовой системы международное право (ст. 25 Основного закона ФРГ). Государство выражает активную готовность соблюдать правила, выработанные в рамках европейского и мирового сообщества. Многосторонние международные договоры и иные акты международного права – это политические, экономические и другие соглашения различных стран, которые призваны урегулировать те отношения, которые наиболее важны и актуальны для всех народов. Любый акт такого рода должен быть результатом согласования воли всех участников договора.

Федеративная республика выполняет договоренности с отдельно взятыми странами. Двусторонние договоры Германии с другими государствами касаются отдельных вопросов их взаимоотношений – трудовых, экономических, таможенных, уголовно-процессуальных и др. Так, у Федеративной республики есть такие договоры с Россией (об избежании двойного налогообложения 1996 г.) [1], с Белоруссией (о защите инвестиций 1993 г.) [2] и с другими государствами.

II. Конституция Германии знает приоритет международно-правовых предписаний перед внутренним законодательством, особенно в сфере прав человека. Такой подход к соотношению международного и национального права является наиболее распространенным, но не единственным.